

ПРОЛОГ

НИК

По вечерам Ник запрыгивал в машину и ехал в свою ж...у мира.

Спасибо маме и папе, удружили. Раньше он о подобных уголках в Москве даже не слыхивал — не то что не бывал. Это ж надо! Родиться, вырасти и всю свою двадцатипятилетнюю жизнь провести на Большой Бронной, а теперь, на старости лет, оказаться на выселках. Липецкая улица, подумать только! Из окна — Кольцевую видать. Отсюда Липецк, похоже, ближе, чем Кремль.

Хотя на самом деле собственная квартира — кайф, конечно. Пусть даже такая. Он целую интригу закрутил, чтоб личной жилплощадью обзавестись. Начал с того, что они с Маней решили жить вместе. «Вместе так вместе», — сказали мама с папой, Арсений с Настей. Показалось, они на него рукой махнули и решили перестать воспитывать. Нудеть, чтоб учился. На престижную работу устраивать. На болт в ухе кривиться. Да им самим бы сейчас со своими проблемами разобраться. Видел Николенька: мать с папаней в последнее время пребывают в состоянии то холодной, а то и самой натуральной, горячей войны. То ругаются, собачатся из-за пустяков — то неделями не разговаривают. Он из-за них переживал, конечно. Но что он мог сделать! Еще один аргумент в пользу того, что-

бы проживать отдельно: не хочу быть свидетелем родительских разборок! Может, они тет-а-тет легче общий язык найдут. Или наоборот, возьмут и разъедутся. И правильно: лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Он подкатился к *родакам* в минуту перемирия: «Мы с Маней хотим вместе жить. Квартиру думаем снимать». Родители прореагировали предсказуемо. Папаня сказал: «Что ж, ты уж большой. Пожалуйста». А мама: «Вы на какие средства снимать собираетесь? Твоей продавцовской зарплаты на нее хватит? Учти: мы с отцом тебе ничего давать не сможем. Моих денег на нас еле хватает, а отец — ты сам видишь».

— Не начинай ты опять, — досадливо сморщился тогда папаня в ее сторону, а потом заметил: — А ведь у тебя еще одна квартира есть, эженовская.

На то жилье Ник, честно говоря, и рассчитывал. Хорошо, что отец сразу про нее вспомнил.

— Ты очень хорошо мои квартиры считать научился, — отбрила супруга Настя, а потом спросила сына напрямик: — Квартира на окраине, убитая двушка. Зато не надо никому платить. Поедете туда со своей Маней?

Николай еле удержался, чтобы не заорать радостно: «Да, да, да!» — но молвил солидно:

— Надо посмотреть, дадите ключи?

И все в итоге получилось. Ника ведь, если *по чесноку*, не столько *жизнь с Манюней* привлекала, сколько *жизнь самостоятельная*. Так и вышло. С Маней они спустя семь месяцев — критический срок для совместной жизни! — разругались. Она с его жилплощади свалила. А он? Не возвращаться же к родителям! Ради чего? Ради маминых пирожков и окрошки? Она готовит сейчас раз в год по обещанию, вся в работе. Не станет он во имя же-

лудка независимостью поступаться. Лучше уж в «Ростиксе» с «Граблями» питаться, чем опять попасть в кабалу.

К тому же вскоре мать с отцом разбежались. Этот результат сын предвидел. Возможно даже, дело шло к разводу. Папаня от того, что семья для сына квартиру выделила, возгордился и стал говорить назидательно: «Мы в твои годы с мамой и с тобой маленьким комнату в коммуналке снимали. А я с первого курса, с семнадцати лет, стал подрабатывать, вагоны разгружал». Нику хотелось сказать, что знает, как он разгружал, на самом деле (мать рассказывала) бутылки пустые собирал и сдавал. Однако язычок прикусил и благоразумно промолчал. Как бы не припомнили, что они двушку на Липецкой могут сдавать. А его — вернуть назад, в семью. Чтобы он, допустим, поддерживал морально маманю на «Тульской». Или с Арсением делил скупой мужской уют на Патриках.

Да, времена! Жилье в Москве на вес золота. Даже ради попы мира приходится суетиться и интриговать. Но в итоге — самостоятельно, пусть даже на Липецкой, жить хорошо. Здесь никаких центровых понтов, никто не смотрит, что ты идешь с пакетом, фи, из «Пятерочки». И на «реноху» старую не косятся. Наоборот, круто, что не «Жигули». А самое главное: совсем один! В первый момент, как Манюня его покинула, он даже поверить не мог: никого рядом. Захотел — в кухне в окно посмотрел, чипсов погрыз. Перебрался в гостиную, раскинулся на диване, телик включил. Все программы пролистал, не понравилось — в спальню пошел. Там полежал, покурил. И никто не зудит, что нельзя в квартире дымить, а чипсы есть вредно, и не листай программы быстро, а то у меня голова болит. Нет уж, надо пожить отдельно, почув-

ствовать вкус одиночества, а уж потом собственной семьей обзаводиться.

А от того, что от родителей далеко, Николай просто кайфовал. У них претензии глобальней, чем у Манюни — а потому хуже отбиваемые: «Почему ты не пошел учиться!.. Ты же в ШЮЖе (школе юного журналиста) на хорошем счету был. Куда теперь без образования в современном сложном мире?» (Это — папа.) А мама: «Бросай курить!.. Когда к врачу пойдешь со своей гипертонией?..» А в последнее время — того хлеще: «Когда ж ты нас внуками порадуешь?»

Об этом он думал, когда со свистом несся из центра в свое Фуево-Кукуево. Да, бывают моменты, когда по Москве можно пролететь со скоростью сто двадцать км в час (хотя они наперечет). Например, когда кончились новогодние каникулы, депутаты не успели вернуться в Первопрестольную вместе со своими мигалками, а ты работаешь до десяти вечера. И вот: легкий снежок в свете фар, черная дорога под колесами и миллиарды окон светятся по обе стороны Каширского шоссе. Ник уже предвкушал, как он запаркуется, а потом поднимется, сделает в микроволновке двойную порцию попкорна, откроет банку колы из холодильничка («пшчик!»), насыплет в бокал льду... Николенька был гедонистом и сибаритом, и ему нравилось каждый момент в своей жизни проводить с максимально возможным комфортом. Потом он устроится на диване в гостиной, включит свой любимейший гаджет, домашний кинотеатр, и будет наслаждаться очередной новинкой. Может, два фильма посмотрит. Вот за что ему работа в магазине нравилась: можно совершенно легально взять хоть десять новинок музыки и кино. Потом их снова специальной машинкой запечатают и в продажу

пустят. Сейчас у него валялось в сумке три диска. Завтра выходной, поэтому никто и ничто не помещает ему лечь хоть в четыре, хоть в пять и проспать до часу-двух дня.

Однако предвкушение не оправдалось. Вечер пошел наперекосяк.

Для начала не оказалось места запарковаться рядом с подъездом. Нашлось только у соседнего. Из окна, значит, машину будет не видно. Не то чтобы он сильно за свою «реноху» боялся, но все равно: угонят, на чем он будет передвигаться? И если надругаются над железякой — тоже обидно.

Ну ладно. Втиснулся, дверцы закрыл, пошел — независимо пакетом с лейблом «Диск-Курс» помаживая. И тут вдруг — экспрессивнейшая мизансцена впереди!

Навстречу ему идет девчонка. Довольно бодро и независимо. Одна. Хорошенькая. Ни на кого не смотрит.

Как вдруг — позади нее нарисовываются два парня. Они бегут. Бегут за ней — то есть в сторону Ника. Они нагоняют девчонку, огибают ее, вроде бы даже проносятся мимо, и внезапно... Один из гопников хватает ее сумку и — она даже ахнуть не успевает — вырывает из рук и, не сбавив темпа, мчится дальше.

Ошеломленная девчонка не успела даже понять, что случилось. Секунду или две осмысляет происходящее, а потом кричит: «Стойте! Воры! Сумку украли!» Но в момент, когда она раскрывает рот, грабители уже далеко — метрах в десяти от нее.

Вот они поравнялись с Чельшевым-младшим. И тогда он машинально преграждает путь одному из парней — тому, что с сумкой. Делает приемчик в духе хоккейного защитника: своим телом останавливает нападающего. Он даже не испытывает боли

от столкновения, так удачно играет в корпус, что грабитель взмывает в воздух, а потом плашмя шлепается на асфальт. Сумочка при этом отлетает, но...

Первый бандос, удачно уже проскочивший мимо, успевает остановиться, нагнуться, схватить краденую сумку и продолжает свой резвый бег. А второй, шлепнувшийся на асфальт, очень быстро поднимается. А потом сперва иноходью, припадая и как-то боком, стартует, но вскоре прибавляет, выскакивает вслед за своим подельником в арку, и через несколько мгновений оба исчезают из виду.

Огорошенная девчонка смотрит на Ника — отчего-то вопросительно. Тот разводит руками: мол, извини, я пытался, но не удалось.

— В милицию звонить будем? — деловито спрашивает он.

— А что толку, — машет рукой она.

— Может, наткнутся на них где-нибудь менты, — предполагает он. — Случайно.

— А ты уродов запомнил? — спрашивает она.

— Нет. Черные шапки, черные куртки.

— Кавказцы?

— По-моему, наши. Славянской внешности.

— Наркоши, наверное.

— Наверняка. Я бы все-таки в ментуру позвонил. Если не найдут — мы хоть им показатели испортим. Тоже приятно. К тому же тебе все равно заявление придется писать.

— Почему? — вскинулась девчонка.

— Ну, в сумочке наверняка паспорт был, — предположил Чельшев.

— Бли-и-ин! — Девчонка схватилась за голову. Минутку постояла, задумавшись, а потом решительно отвергла: — Нет, все равно никакой милиции.

— Как скажешь. У тебя деньги-то остались?

Она помотала головой:

— Деньги были в сумке. И мобильник тоже.

— Хочешь, с моего позвони.

И тут девчонка вместо ответа вдруг заплакала. Ее хорошенькие голубенькие глаза в мановение ока наполнились слезами — а потом две крупные капли сползли по щекам. Она даже не сделала попытку утереть их.

— Ладно тебе, — покровительственно проговорил Ник. — Это ведь просто сумка. Вещь.

Но девушка отчаянно замотала головой, а потом отвернулась и закрыла лицо руками. Ник потоптался — он, как любой мужчина, не знал, что делать, когда женщина плачет. И не уйдешь, и рядом стоять — дурацкая мизансцена получается. Будто он девушку до слез обидел. Вон собачница мимо с таксой идет, на него подозрительно косится. Как бы добрые самаритяне *к ним* наряд не вызвали.

— Слушай, давай ко мне поднимемся, — простосердечно предложил он. — Ты хоть умоешься.

Девушка как будто не слышала, но потом все-таки оторвала руки от лица и внимательно — не маньяк ли? — посмотрела на парня.

Он, видимо, фейсконтроль прошел: не маньяк.

— Ты что, в этом доме живешь?

— Ага. Один. Родителей нет, подружки тоже. Никого не побеспокоим.

— Ну пошли.

И молодой человек намеренно оставил девушку позади себя: типа, хочешь следовать за мной — пожалуйста, а если вдруг передумала, у тебя есть свобода выбора, можешь и убежать. Только двери в подъезд перед ней раскрыл — проклятое воспитание дало о себе знать.

В лифте он сказал:

— Меня зовут Николай. А тебя?

— Ксения.

Даже слезы в целом не испортили ее лицо. Девушка была хороша. И совсем не накрашена. Тонкие черты, голубые глаза. А одета среднестатистически: куртка, джинсы, кроссовки. Чем занимается, где живет — с ходу и не скажешь.

Когда вошли в квартиру, она сразу закрылась в ванной.

Ну и слава богу. Появилось время убрать кровать, спрятать из поля видимости разбросанные по ковру носки с трусами. Он успел даже обревизовать холодильник — впрочем, без особой надежды. Имелись кола, лед, два початых флакона — с кетчупом и майонезом, слегка прогорклое сливочное масло, одно яйцо и граммов сто недопитой водки. Можно, если дойдет дело до угощения, выпить водки-колы со льдом и закусить салатом из майонеза и вареного яйца. В кухонном шкафчике, кроме того, нашлись два сорта макарон, молотый кофе и ровно четыре пакетика чая. Живем!

Наконец она вышла. Причесалась, умылась. Только носик покраснел.

— Итак? — бодро спросил хозяин. — Чай, кофе, кола, водка?

— Позвонить.

— Воспользуешься городским?

— Конечно.

Она взяла протянутую ей трубку и выжидательно посмотрела.

— Секретный разговор? — догадался он.

— Если можно.

— Отчего ж нет.

Ник вышел из кухни, прикрыл за собой дверь. Однако в коридоре остановился и стал прислушиваться. Чертовски приятное занятие: шпионить за хорошенькой девушкой, чтобы проникнуть в ее тайны. Голос ее слышен был отчетливо, однако

гостя не стала более понятной. Своего собеседника она называла на «вы» (или имела в виду кого-то двоих, родителей?) — притом не ясно, какого собеседник возраста, кем приходится Ксении и даже — какого он (она?) пола. Голос девушки звучал приглушенно и как-то официально, что ли.

— Да, это я. Кое-что случилось. — Пауза. — Да, но я не могу сейчас обо всем рассказать. — Опять пауза. — Да... Нет, сегодня я ночевать не приду, вы меня не ждите.

Возможно, он понял бы больше, когда б ему удалось прослушать обе стороны, участвующие в диалоге. Но скорее все запуталось бы только сильнее. И насторожило.

— Да, это я. Кое-что случилось...

— Все удалось?

— Да, но я не могу сейчас обо всем рассказать.

— Он рядом?

— Да.

— Как ты думаешь, тебе удастся?..

— Нет, сегодня я ночевать не приду, вы меня не ждите.

У Ника было жизненное правило: никогда не водить домой незнакомых. На том и родители настаивали — и сам он не дебил, понимал: времена нынче лихие. Но на сей раз у него в гостях бедная крошка, пострадавшая от ограбления. Молодой человек даже ни капли не напрягся по поводу того, что в квартире чужая.

— А ты здесь один живешь?

— Я ведь уже говорил.

— Похоже, не соврал.

Он усмехнулся:

— Я тоже смог бы сосчитать количество щеток в ванной.

— Зубные щетки ни при чем. У тебя — обиталище старого холостяка.

И тут что-то с ними произошло. Или — с ним произошло. Во всяком случае, молодой человек почувствовал: меж ними словно натянулась невидимая нить.

Он сделал шаг вперед, к ней. Она отступила.

— Ты, кажется, что-то говорил насчет выпить?

Ксения посмотрела на парня искоса, снизу вверх. А он оказался с ней совсем рядом и заключил ее в объятия.

— Как вы предсказуемы, — вздохнула она.

— Мы — это кто?

— Вы — это мужчины, — прошептала Ксения, а он наклонился и попытался ее поцеловать.

— Но-но-но, не так скоро!

Она оттолкнула парня, с силой упершись ему в грудь обеими руками. И, словно змейка, почти незаметно выскользнула из его объятий — текучая как вода. Миг — и она уже стоит посередине комнаты.

— Я, пожалуй, пойду.

— Подожди!

— Нет-нет, мне пора.

— Куда ты пойдешь: без денег, без документов!

— Ну, уж как-нибудь.

— Я отвезу тебя.

— Вези.

— Потом.

— Когда?

— После *всего*.

— Всего — чего?

— Трех поцелуев.

— Нет!

— Ну двух.

— Нет, ни за что.

И вдруг, в какой-то момент, ему это надоело. «Какого черта? Час назад я даже не знал о ее существовании, а теперь вот развожу на секс. Да пошла она! Да, красotka. Да, почему бы не попробовать. Вот я и попробовал. Будем считать, что не получилось».

— Ладно, — устало проговорил он, — ты права. Время позднее. Поехали.

— Ох, сиди уж дома. Я пойду.

— Да зачем тебе ночью по Москве болтаться, — запротестовал он, но вяло, безо всякого энтузиазма.

— Послушай, тебе не приходило в голову: раз уж я проходила здесь, по вашему дурацкому двору, — значит, я шла от *кого-то*? Или наоборот, в гости к кому-то?

И едва он успел сделать движение, чтобы остановить ее, Ксения схватила в охапку куртку, отперла дверь — замок английский — и вот она уже за порогом.

— Все, не провожай меня! — и скатилась вниз по лестнице.

ГЛАВА 1

НАСТЯ

Арсений подхватил ее на руки и закружил. И кричал при том на все Патриаршие:

— Слышите?! Вы слышите? Она приняла мое предложение! Она согласна!

А Настя стучала кулачками по его плечам и хохотала.

— Отпусти, сумасшедший! Ты людей разбудишь!

...С той весны, с той майской ночи, минуло почти двадцать лет¹. Однако мало что переменялось в Москве, на Патриарших.

По крайней мере, внешне. И — только на первый, самый беглый взгляд. Все так же бултыхались на глади пруда утки, а вокруг него чинно прогуливались элитные пенсионеры и мамочки с колясками. И голуби рыскали вокруг лавочек. Толстые птицы удивительным образом сочетали в себе достоинство и ежесекундную заботу о пропитании.

Видит Бог, далеко не все люди так умеют. Чего-чего, а суеты за истекшее двадцатилетие в Москве прибавилось. В ряды степенно гуляющих пенсионеров то и дело врывались проносащиеся из офиса в офис клерки в галстуках от Вьютона и Этро. Про-

---

¹ Эти события описаны в романах А. и С. Литвиновых «Предпоследний герой» и «Черно-белый танец», издательство «Эксмо».

скакивали боящиеся каждого куста гастарбайтеры в кожаных куртках. Спешили дамочки — новые миллионерши, которым, казалось бы, сам Бог велел излучать довольство и благодать. Однако и они спешили — то ли на свиданку, то ли в кафе, то ли на массаж. Все, за исключением голубей, мамаш и пенсионеров, куда-то неслись, опаздывали, обгоняли. И стоило одному автомобилю замешкаться в поисках парковки у пруда — как сзади немедленно раздражались нетерпеливые клаксоны.

Пытаясь не обращать на торопыг внимания, Настя Капитонова, сцепив зубы, в одно движение припарковала свой внедорожник у ограды пруда.

Джип, который более всех разорялся сзади, притормозил. Тонированное оконце открылось. Выглянул водитель. Он хотел было произнести в адрес Насти нечто нелицеприятное — но при виде ее красоты и ухоженности сменил гнев на милость и с ходу предложил:

— Поехали пообедаем вместе?

— Занята! — бодро выкрикнула Настя. Внимание противоположного пола по-прежнему ей льстило — но не докучало уже. И можно сколько угодно говорить себе, что ты так ухожена и одета, что выглядишь на тридцать максимум семь, — она-то сама знала, что ей все сорок пять. И что теперь делать с этой цифрой?

Пруд и бульвар вокруг него ограничены довольно высоким барьером. Настя оглянулась по сторонам — к проходу шагать далеко. И она — все равно одета по-походному, сейчас надо на объект ехать — подпрыгнула и ловко перемахнула оградку. Студенты, дувшие на лавочке пиво, маневр Насти оценили, один поднял вверх большой палец, второй зааплодировал. «У меня сын старше вас, а туда

же...» — пробурчала Капитонова про себя — однако внимание молодняка ей, тем не менее, польстило.

На соседней лавке сидел уже далеко не юный человек. Не пенсионер, конечно, но в некогда буйной шевелюре различимы и лысинка, и седина. И морщинки залегли возле рта. И ботинки, пусть дорожные, но растоптаны, если не сказать изношены. А главное, вся фигура мужчины излучает мудрость, и усталость, и безволие, и, что ли, покорность судьбе. Но вдобавок — как ни пытайся смотреть на него со стороны — он родной, этот мужчина, знакомый до каждой черточки, жеста, неосознанной привычки.

И пахнет от него очень знакомо. Дорогим французским парфюмом — Настя подарила его Арсению еще в советские времена, когда они начинали жить вместе. И с тех пор своей привычке — весьма дорогостоящей, надо сказать — муж не изменял. Заканчивался один пузырек с туалетной водой — он покупал новый. А еще от Сеньки сейчас слегка пахло спиртным. Да не просто водкой, а коньяком. И тоже, кажется, недешевым. Откуда, черт возьми, — шевельнулось в Насте раздражение — у безотцовщины, сироты, внука провинциального врача столь барские замашки? Времени — четверть двенадцатого — и, между прочим, рабочий день.

То, что муж выпивши, подтвердило его благодушное настроение. Увидел ее, заулыбался, залучился:

— О, Настенька, прекрасно выглядишь!

Она не ответила и с ледяным лицом небрежным жестом достала из сумочки конверт, передала ему.

— Возьми вот, — бросила снисходительно. — Твоя доля.

— О, как она холодна. Как величава! — проком-

ментировал иронически муж. — Кто тебе, милая, с утра настроение испортил?

— Ты.

— Помилуй, — добродушно пробасил он, — мы только две минуты назад с тобой увиделись.

— Мне и этого хватило.

— Да чем же я тебе насолил?

— Ох, хватит, — досадливо поморщилась Настя. — Ты все прекрасно понимаешь.

— Список твоих претензий ко мне столь обширен, о любимая, что я всякий раз теряюсь в догадках, чем же я прогневал твое высочество в данный конкретный момент времени.

— Хватит паясничать, — поморщилась она.

— Претензия номер семь, — понимающе покивал головой Арсений. И добавил, передразнивая: — «Несерьезный, легкомысленный человек, которому нельзя ничего доверить». Я прямо-таки слышу голос твоей маменьки.

Тут уж взвилась и Капитонова — потому что слово «мама» было вычеркнуто из ее лексикона. Потому что мать для нее означало «лживая, вероломная предательница», потому что она не виделась с ней вот уже двадцать лет и ничего не желала слышать о родительнице. Одно упоминание о ней больно ранило душу.

— Перестань! — почти выкрикнула Настя.

— Как прикажете, благородная синьора, как прикажете.

— В следующий раз будешь сам встречаться с жильцом! И сам забирать у него деньги. Хоть эту работу ты можешь для меня сделать?

Лицо Арсения закаменело. Как слово «мать» было запретным для нее, так и слова «работа» и «заработок» — для него.